

Я БЫЛ ПОХОРОНЕН ЗАЖИВО

ПЕТР
АНДРЕЕВ

**ЗАПИСКИ
ДИВИЗИОННОГО
РАЗВЕДЧИКА**

Петр Харитонович Андреев
Я был похоронен заживо. Записки
дивизионного разведчика
Серия «Победа любой ценой»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6707087

*Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика / Петр Андреев. : Яуза-прес; 2013
ISBN 978-5-99550-689-8*

Аннотация

Автор этой книги прошел в дивизионной разведке всю войну «от звонка до звонка» – от «котлов» 1941 года и Битвы за Москву до Курской Дуги, Днепровских плацдармов, операции «Багратион» и падения Берлина. *«Состав нашего взвода топоразведки за эти 4 года сменился 5 раз – кого убили, кого отправили в госпиталь».* Сам он был трижды ранен, обморожен, контужен и даже едва не похоронен заживо: *«Подобрали меня без признаков жизни. С нейтральной полосы надо было уходить, поэтому решили меня на скорую руку похоронить. Углубили немного какую-то яму, положили туда, но «покойник» вдруг задышал...»* Эта книга рассказывает о смерти и ужасах войны без надрыва, просто и безыскусно. Это не заказная «чернуха», а «окопная правда» фронтовика, от которой мороз по коже. Правда не только о невероятной храбрости, стойкости и самоотверженности русского солдата, но и о бездарности, самодурстве, *«нечеловеческих приказах»* и *«звериных нравах»* командования, о том, как необученных, а порой и безоружных бойцов гнали на убой, буквально заваливая врага трупами, как гробили в бессмысленных лобовых атаках целые дивизии и форсировали Днепр *«на плащ-палатках и просто вплавь, так что из-за отсутствия плавсредств утонуло больше солдат, чем погибло от пуль и снарядов»*, о голодухе и вшах на передовой, о *«невиданном зверстве»* в первые недели после того, как Красная Армия ворвалась в Германию, о «Победе любой ценой» и ее кровавой изнанке...

«Просто удивительно, насколько наша армия была не подготовлена к войне. Кто командовал нами? Сталин – недоучка-семинарист, Ворошилов – слесарь, Жуков и Буденный – два вахмистра-кавалериста. Это вершина. Как было в войсках, можно судить по тому, что наш полк начал войну, имея в своем составе только одного офицера с высшим образованием... Теперь, когда празднуют Победу в Великой Отечественной войне, мне становится не по себе. Я думаю, что кричать о Великой Победе могут только ненормальные люди. Разве можно праздновать Победу, когда наши потери были в несколько раз больше потерь противника? Я говорю это со знанием предмета. Я все это видел своими глазами...»

Содержание

Предисловие сына	4
Разведка	6
1940 год, Чирчик	8
Осень 1941 года. Разведка	12
1940 год, Чирчик	14
Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область	24
Осень 1941 года. Разведка	26
Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область	27
Осень 1941 года. Разведка	29
Детство. Деревня Шумилово, Смоленская область	32
1940–1941 годы. Чирчик	37
Война	40
Ельня	44
Днепр	49
Путь в неизвестность	51
Западня	56
В плену	58
Путь в неизвестность	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Петр Андреев

Я был похоронен заживо. Записки дивизионного разведчика

Предисловие сына

Рассказы отца о войне мы с братом слышали много раз с самого детства. Некоторые имена и детали, кажется уже стали частью и нашей жизни, как и сама война, прокатившаяся еще до нашего рождения, каким-то непостижимым образом живет и в нас. Многие из его рассказов, повторенные по многу раз, стало обыденным и знакомым. А потом, с годами, когда мы стали старше и, надеюсь, умнее, стало вдруг ясно, что их, эти рассказы, надо обязательно записать. Когда-нибудь не станет отца, потом и нас, слышавших эти рассказы, и мельчайшие детали, важные для правильного восприятия того времени, нашей истории, исчезнут, растворятся во времени. Останется только официальная история – сухая, мертвая, как конспект и учебник, и не всегда правдивая.

Мы стали упрашивать отца записать то, что он видел, как он это видел и понимал. Да он и сам был не прочь. Обладая великолепной памятью (нас всегда поражало, как он сохраняет в памяти сотни имен и географических названий, мельчайшие детали того времени, например, тогдашние цены и размеры зарплат), ясным умом и хорошим слогом, он мог и хотел оставить своим потомкам объемную картину увиденного.

Выйдя на пенсию и оставаясь еще очень активным и физически крепким человеком, отец с присущей ему энергией и энтузиазмом взялся за дело. Обложился картами и справочниками и начал писать.

Первую часть воспоминаний он писал во второй половине 80-х годов и закончил уже в 90-е. И она, эта часть, несет на себе следы того противоречивого времени, следы внутренней цензуры и определенной сдержанности.

Вторая часть, написанная в конце 90-х и позже, уже более раскованна и откровенна, а третья, принадлежащая уже к нашему времени, пожалуй, даже излишне радикальна (на мой взгляд). Здесь, вероятно, сказались и возраст отца, и осмысление произошедшего с учетом огромного массива новой информации по нашей истории, ставшего доступным.

И сейчас, когда пишутся эти строки, отец постоянно возвращается памятью к тем годам, вспоминает, рассказывает, живет прошедшей войной. Что отрадно, они, его воспоминания, не меняются в его рассказах. Можно было бы сказать, что он «не путается в показаниях». Порой меняется оценка, хотя и незначительно, но фактическая сторона, за редкими исключениями, остается неизменной. На мой взгляд, это является лишним подтверждением того, что все написанное – правда, конечно, в преломлении взгляда конкретного человека. Но в этом-то и ценность!

Так получилось, что мне довелось или, можно сказать, было доверено почетное право набирать и готовить к печати рукопись отца. Отец писал свои воспоминания еще в докомпьютерную эру, ручкой, как правило, на оборотных сторонах каких-то бумаг. Счастье, что у него, всю жизнь работавшего с картами и чертежами, выработался четкий, хорошо разбираемый подчёрк. Позже я отдавал рукописи в набор или набирал сам, редактировал, распечатывал и отдавал ему на проверку. Потом вносил его правку. Большая и, думаю, окончательная работа по набору, редактированию и правке рукописи была проделана сейчас, в 2010 и 2011 годах.

В чем заключались редактирование и правка, сделанные мной? В основном они касались грамматики, стиля. Я убирал повторы и немногочисленные ошибки, вставлял пропущенные слова и буквы, иногда меняя порядок слов, не касаясь в то же время фактологической стороны. Часто разбивал сплошной текст на абзацы и иногда менял или добавлял деление на главы. В любом случае я прежде всего старался сохранить живой голос и стиль рассказа отца, сохранить все мельчайшие детали. Хорошо зная устные рассказы отца, старался подчеркнуть наиболее важные для него моменты, если он сам что-то упускал в тексте. В первых частях, включающих большую часть воспоминаний, мой «след» совсем незначителен, в самом конце – несколько возрастает. Последние главы отец, после перенесенного в 2008 году инсульта, пишет более лаконично, отрывистыми и скупыми фразами, как бы торопясь, отчего рассказ приобретает конспективную форму. В ряде случаев я добавлял упущенные им фрагменты, которые хорошо знаю по его прежним рассказам или слышу от него сейчас. Разумеется, добавленное и отредактированное предъявлялось отцу на утверждение и было оставлено, если получило его одобрение. И если обобщить сказанное, то моя роль не велика и сводится скорее к технической. То есть в книге читатель слышит подлинный голос участника событий.

Начиная свой труд, отец хотел рассказать о войне, о своей жизни прежде всего нам, своим детям, своим внукам и правнукам (есть уже и такие). Но мне кажется, они будут интересны многим, особенно учитывая, какое большое значение для нас все еще имеет история той войны, какую громадную роль она играет в жизни людей и страны. И тогда мы решили, что рукописи не место только в семейном архиве, и стали готовить книгу к публикации. Удается это или нет, не знаю, но очень бы хотелось, чтобы отец смог подержать в руках и пролистать Свою Книгу, ту, которую будут читать его потомки.

М. П. Андреев.

Январь 2011 г. Антарктида, ст. Молодежная.

Разведка (Брянская обл., октябрь 1941 г.)

Солнечные лучи, пробиваясь через кроны деревьев, согревают промокшие от ночного морозящего дождя и пота шинели. Неудержимо хочется спать. Веки смыкаются, как намагниченные. Замаскировавшись, мы уже больше часа лежим перед мостом. Река не широкая – не более 30 метров. В мирное время преодолеть такую было бы не трудно. Но это в мирное, а сейчас война...

Наша дивизия, а точнее – ее половина, перед рассветом подошла к реке и затаилась у шоссе, в двух-трех километрах от моста. Уничтожить гарнизон немцев, охраняющих мост, очевидно, не представляло большого труда, но командир дивизии принял решение сначала установить наблюдение за переправой и шоссейной дорогой.

И вот мы, пятеро разведчиков 1-го дивизиона 299-го артиллерийского полка, скрытно, еще в предрассветных сумерках, подобралась к мосту и расположились в заросшей лозняком воронке, как будто специально устроенной для нас. Двое ушли на связь с командованием, а мы, преодолевая сон, наблюдаем за мостом и дорогой. Дорога пока пуста. Немцы ночью останавливаются в населенных пунктах, опасаясь передвигаться в темное время. В лесах много пробирающихся на восток групп красноармейцев, и встречи с ними им нежелательны.

В охранении моста спокойно. Только тупое рыло пулемета выглядывает из окопа, да иногда движется над бруствером каска часового.

Сдерживать сон, кажется, нет никаких сил, но и уснуть нельзя, знает каждый из нас. Можно бы спать по очереди, но и это опасно, так как может заснуть и дежурный. Посоветовавшись, мы договариваемся, что спать будет только один, а двое должны бодрствовать. Одновременно они не уснут, а если один уснет, второй его немедленно разбудит. Бросили жребий. Первому выпало спать разведчику Киселеву. Уснул Сережа, кажется, не опустив еще и руку со жребием. Остались вдвоем. Солнце все выше поднимается над горизонтом. Стало теплее. Дрожь, пронизывавшая все тело из-за почти неподвижного состояния после тяжелого ночного марша, немного унялась. Зато на смену ей все сильнее дает о себе знать голод. В голову неотступно лезут всякие «деликатесы» окруженцев.

Как-то раз наш дневной привал был недалеко от картофельного поля. Это мы потом узнали, что поле было картофельное. Тогда нас также мучил голод. Пожевав какие-то совершенно несъедобные листья (лакомством была бы даже заячья капуста), я решил пробраться на опушку леса. Сколько радости было, когда на поле оказалась еще не убранная картошка! Земля промерзла, уже наступили морозы, но картошка не пострадала. Так мне кажется теперь, спустя почти 44 года. В ход было пущено все – штыки, приклады. Картошкой были наполнены котелки, с которыми мы в то время еще не расстались и большое 16-литровое хозяйственное ведро, до этого бесполезно занимавшее место в повозке старшины. Забравшись поглубже в лес, разложили костер из сушняка, чтобы не привлечь к себе внимания дымом, и обед был сварен. Сейчас трудно себе представить, как это было вкусно. Не было хлеба, соли, но зато картошка такая, что остановиться не было сил. Съели не меньше чем килограммов по шесть. Это был пир. Потом, уже позже, ели и поясные ремни, и блины из прогоркшей муки, испеченные на листе ржавого кровельного железа, и наполовину изгрызенную мышами телячью шкуру. Но это потом.

Я смотрел вдоль прямой, как стрела, дороги, уходящей на восток, и в мыслях пронеслись события последнего года жизни. Один только год, а как много пережито, как много ушло из нашей жизни привычного, казалось, навечно закрепившегося в сознании...

1940 год, Чирчик (из довоенных воспоминаний)

Ровно год тому назад, в октябре 1940 года, меня призвали на действительную – как тогда было принято называть – службу в Красную Армию. Летом 1940 года я правдами и неправдами уволился с работы в Туле, чтобы съездить перед призывом в родную деревню на Смоленщине. Два года не видел мать и отца. Был отпуск в 1939 году, мог бы съездить, но уговорили отдохнуть в доме отдыха в Алексине на Оке. Отдохнул хорошо, но с родителями так и не встретился. А мать очень просила приехать. И вот пришлось ходить с просьбами к райвоенкому и к начальникам всех рангов за разрешением съездить перед призывом на родину.

Разрешение наконец получено. Встреча с родителями и братьями. Встреча с друзьями детства. Месяц беззаботной жизни в семье и явка в военкомат в райцентре, в городе Велиже. Призывались мы в один день со старшим братом Сережей. Сережа был 1920 года рождения. Он погиб под Ленинградом в 1943-м¹. Я же родился в 1922 году. Но так как тогда все торопились самостоятельно пробивать себе дорогу, а года иногда сдерживали нас, пришлось идти на обман. Ввел в заблуждение медицинскую комиссию (парень я был рослый) – и метрическая выписка в кармане. Повзрослел сразу на два года. И вот мы два брата, старший и младший, подходим к столу комиссии. Оба с 1920 года. Не покидает тревога: а вдруг поинтересуются? Как так, почему с одного года? Близнецы? Нет. Один (это я) родился 14 февраля, а второй – это старший Сережа – 12 июля. Но комиссии некогда было заниматься такими мелочами, и мы оба признаны годными. Оба в артиллерию, но Сережа в морфлот, в береговую, а я – в полевую. В школу младших командиров. Сережа отправлялся первым, в первой половине октября. Мне пришлось ждать еще две недели.

¹ Андреев Сергей Харитонович, родился 12 июля 1920 г., наводчик миномета, мл. сержант 1-го сб 947-го сп 268-й сд 67-й армии Ленинградского фронта. Участвовал в прорыве блокады Ленинграда, форсировал Неву и наступал на Рабочий поселок № 1. Погиб 14.08.1943 г. под Синявино. Прах перенесен в братскую могилу в пос. Синявино в 90-е (?) годы.

Сергей Харитонович Андреев

В то время призыв в армию был большим и радостным событием не только для призывника, но и для родителей. Проводить пришло много народа. До военкомата в город Велиж провожала только мама. Ехали на телеге. Младший брат Вася был в школе, ходил в 8-й класс, а отец был в отъезде. Мама очень обрадовалась, когда узнала, что меня отправляют служить в Ташкент – в теплые края.

Отправляли нас, призывников, в Ташкент группой – 31 человек. Всех в полковую школу. Все ребята были с полным и неполным средним образованием. Сопровождающих не было, и, чтобы как-то нас организовать, составили две команды. В первой старшим назначили меня, а во второй – Комиссарова, бывшего районного агронома. Папку с документами вручили Комиссарову.

До Смоленска, а затем и до Москвы доехали без приключений. В Москве, на Казанском вокзале, приказали – ждите. Сколько? Неизвестно. Расходиться нельзя. Вечером, когда уже начало темнеть, Комиссаров решил организовать «экскурсию» по Москве и увел всю свою команду в город, оставив свои мешки и чемоданчики с продуктами на наше попечение. А примерно через час помощник военного коменданта станции дал команду на посадку. Поезд отходит через несколько минут, а Комиссарова нет. Пришлось ехать без Комиссарова и его команды, и с нами уехали их мешки. Всю неделю (именно столько шел тогда поезд от Москвы до Ташкента) беспокоились и переживали, что будет с ребятами.

Письмо командира роты матери – Андреевой Прасковье Никитичне от 18.08.1943 г. Книга Памяти Смоленской области. С. 26. (рис. 1, 2,3)

В Ташкенте нас встретили. В Велиже, да и в Москве было холодно, а здесь в начале ноября стояла прекрасная солнечная летняя погода. Нам все очень понравилось. Саманные дома в окружении зеленых садов, обнесенных каменными или глиняными заборами. Трубные крики ишаков, да изредка чинно шествующие в поводе верблюды. Пробегающие группками и в одиночку девушки-узбечки. Мне все они казались красавицами. Загорелые симпатичные лица. Черные как уголь глаза, черные, заплетенные во множество косичек, волосы. Пожилые женщины казались неряшливыми. Особенно уродовала их чадра. В то время почти все пожилые женщины еще носили чадру. Сидя или стоя, они еще позволяли себе открыть лицо, а на ходу чадра обязательно опускалась. Очевидно, мы казались очень смешными, когда, как задиристые молодые петушки, «лезли в пузырь» при разговорах с сопровождавшими нас солдатами, возмущались, что нас так долго держат на вокзале. Нам не терпелось побыстрее приехать в часть, на что старые красноармейцы говорили, что не раз еще нам придется поплакать, вспоминая и дом, и маму, рассказывали, как тяжела здесь, в Средней Азии, служба.

Перед призывом в армию. Тула, 1940 г.

Представитель части на местном поезде привез нас в Чирчик, расположенный в 30 км от Ташкента. Нас привели на большой пустырь перед штабом полка. Чемоданы и мешки приказали сложить в кучу, а самих увели в столовую. Хорошо накормили – «от пуза». Кто-то из наших во весь голос заявил:

– А в Ташкенте паникеры говорили, что в армии плохо кормят. Видели?!

Все выглядело празднично. Предстоящая служба радовала. Огорчало одно – что нет отставших товарищей. Как они доедут? Ведь литер на проезд всей группы из 31 человека остался у нас.

Донесение о безвозвратных потерях 947-го сл 268-й сд с 10 по 15 августа 1943 г. (ЦАМО № фонда 58. № описи 18001, № дела 592)

После обеда какой-то старшина приказал выбросить все взятые в дорогу продукты, сказал, что они нам уже не потребуются. Приказ выполнили немедленно. Куски сала, пироги, масло, все, что не съели в дороге, было отнесено к уборной. Но поскольку почти все мы выросли в деревне и знали цену продуктам, то мало кто посмел бросить продукты в мусорный ящик. Все сложили на траву у стены и на подоконник. Каково же было наше удивление,

когда все, что мы принесли, тут же, почти из наших рук, было разобрано подбежавшими солдатами.

– Обжоры! – возмущались некоторые из нас. – Так хорошо кормят, а они куски собирают.

Через сутки прибыла команда Комиссарова. Грязные, исхудавшие, голодные. Забегая вперед, скажу, что Комиссаров, уже и будучи курсантом, не отличался примерной дисциплиной. Всю службу он держал первенство по нарядам вне очереди. Как у нас говорили, не вылезал из конюшни.

Осень 1941 года. Разведка (продолжение)

Однако временно пришлось оставить воспоминания. За бруствером у немцев что-то зашевелилось. Из полуземлянки один за другим стали выбегать солдаты, кто в брюках, а кто и без них, резво направляясь в кустарник слева от землянки. Руки сжали приклад винтовки, когда один из немцев вывалил из штанов широченный зад, направив его прямо в нашу сторону. Но разум подсказывает: нельзя выдавать себя. Необдуманном шагом можно погубить намеченную операцию.

Немцы, умывшись из таза – нам хорошо были видны их голые спины, – стали готовить завтрак. Отчетливо слышно было, как штыки протыкают жестяные крышки консервных банок. Кажется, и до нас доходит запах мясных консервов. Слюну не удержать, а живот еще больше подтянуло к позвоночнику. С той стороны речки слышны режущая ухо немецкая речь и гогочущий смех здоровых сытых людей.

Вдруг сзади еле слышались завывающие звуки двигателей машин. Вот-вот должны вернуться связные. Будим Сережу. Мне и Ивану придется поспать позже. Если придется. Пытаемся сосчитать немцев в охране у моста. Сходимся на десяти. Шум колонны нарастает. Часовые подтянулись. Выходят к мосту одетые по форме, в шинелях, поблескивают оловом пряжки поясных ремней. У живота отливают чернотой автоматы. Поглядывают на запад, откуда вот-вот должна появиться колонна. Консервные банки полетели в реку. Сразу же потянуло крепким запахом кофе. В это время из-за леса, скрывающего от нас дорогу, выскочил бронетранспортер. Вдоль бортов лицом к лицу сидят солдаты в шинелях мышиного цвета. На головах каски. Одна за другой выползают автомашины с длинными кузовами, полные сидящих правильными рядами солдат. За четвертым грузовиком идет фургон, напоминающий наши машины автотехобслуживания, только вдвое большего размера. Из трубы над крышей струится сизый дымок. По телу пробежала дрожь. А что, если колонна сделает остановку и солдаты разбегутся по придорожному лесу? Мы от дороги всего в 100–150 метрах.

Но на этот раз обошлось. Транспортёр выехал на мост, проскочил его и уже удаляется по насыпи, следом за ним – колонна автомашин. Двое солдат охраны, стоявших у перил по обе стороны моста, отправились в свою землянку, очевидно, допивать кофе.

Мы меняем положение. Расправляем затекшие от напряжения руки. С западной стороны слышен еле заметный шорох. Показалась пилотка, а за ней и вторая. Это наши разведчики Шевченко и Кусов. С чем идут? Какой поступит приказ? Заранее известно только, что поесть не принесли ни грамма. Продуктов нет. Нет уже две недели.

Шевченко и Кусов рассказали, что через мост будут прорываться основные силы дивизии. В том числе артиллерия и обозы. Задача нашей группы: обеспечить непрерывное наблюдение за дорогой и за действиями группы охраны моста. Связь через каждые два часа. Теперь можно и поспать, поочередно. Но сон прошел, и пока Саранин, Шевченко и Кусов дремлют, мы с Киселевым наблюдаем.

На мосту оживление. Мы все чаще отрываемся от собственных дум. Шоссе работает с полной нагрузкой. Одна за другой идут автоколонны. Больше транспортные. Иногда проходят отдельные бронетранспортеры. Наши подопечные ведут себя спокойно, не подозревая об опасности, но за пределы своего гарнизона не выходят.

Мы тоже освоились с обстановкой. Иногда, когда шоссе опустевает, даже становится как-то скучновато. Погода, кажется, первый раз за две недели выдалась на славу. Неяркое осеннее солнце греет спину через ветки кустарника. На небе ни облачка. Плохо, что земля

холодная. Вообще холодно, а руки и ноги затекают от долгого лежания в одном положении. Хочется лечь на спину или сбегать к реке умыться. Но это не для нас. Надо терпеть. Только выдержка и настойчивость приносят успех.

Жизнь идет своим чередом. Наши уставшие товарищи спят. Двигутся на восток немецкие части. Киселев их аккуратно отмечает в блокноте. Кто-то из немцев в охранении играет на губной гармошке. Опять набегают воспоминания.

1940 год, Чирчик (из довоенных воспоминаний)

После сытного обеда, с пустыми баулами, нас отвели к казарме. Приказали сложить вещи в кучу и повели в баню. Баня была далеко – километрах в трех от школы. Встречавшиеся по дороге солдаты и командиры с улыбкой смотрели на наш строй. Вид его, очевидно, не мог вызвать другой реакции.

Командовал старшина. Я уже был не у дел, хотя еще в военкомате и по дороге в часть вся моя команда единодушно выбрала меня командиром, и убедить их в несуразности этого решения было невозможно. Колхозные порядки. Но шел я все-таки в первом ряду. И так уже повелось, что все время учебы в школе я ходил в первом ряду. Может, был выше всех? Как будто нет, Омуцинский и Шевченко были повыше.

После бани, одетые в форму не по размеру, мы не узнали друг друга. Долго смеялись. Потом в течение нескольких дней менялись вещами друг с другом. Кое-что менял и старшина. Всю свою одежду, обувь и белье нас заставили уложить в выданные мешки, написать фанерные бирки и сдать на полковой вещевого склад.

Мы уже знали, что существует приказ наркома обороны Тимошенко – демобилизованных из армии красноармейцев отправлять домой в собственной одежде. В чем прибыл, в том и уедешь. В Москве мы уже видели демобилизованных, одетых в форму б/у. Брюки с заплатками да такой же бушлат, только еще более неряшливый из-за многочисленных масляных или еще каких-то пятен. Говорили, что солдаты теперь домой возвращаются только ночью, а днем сидят в кустах или оврагах на подходе к родной деревне. Когда они призывались, приказа еще не было, свою одежду они почтой отправили домой, а просить вещи к демобилизации из дома неудобно – вдруг пришлют лапти. Вот и приходилось их как-то обмундировывать в форму б/у. Нам же предстояло быть первыми, возвращающимися домой в собственных армяках, фуфайках, кожаных, а может быть, кое-кому и в лаптях. Кстати, лапти в то время были не редкостью, а в некоторых деревнях – даже самой распространенной обувью.

Приказ этот шокировал своей мелочностью не только призывников. Демобилизованный солдат лишался возможности показать себя во всей красе военнослужащего. В то время демобилизованный долго, месяцами, а то и годами щеголял в форме красноармейца. Это было красиво и модно. Лучшие женихи были женихи в форме красноармейца. И другая сторона дела – семья лишалась возможности получить одежду и обувь для одного из ее членов, да еще и праздничную. В то время это было очень важно. Тогда каждая портянка была ценностью. И не потому что люди были жадными. Просто очень многого не хватало. Пусто было в магазинах, а если что и было, то и в кармане было пусто. Молодые люди, даже мои дети, возможно, отнесутся к написанному скептически, а может быть, и не поверят. Ведь сейчас положение кардинально изменилось. Теперь демобилизованные, наверное, тоже приходят домой со службы ночью, чтобы не видели соседи и любимая девушка. Или еще в части надевают импортный костюм и лаковые туфли. И не потому, что их плохо одели. Нет. Теперь и в новую форму одевают, да и форма уже не та. Раньше вся форма, кроме шинели, была из х/б, а теперь шерстяная и вместо гимнастерки – френч. Просто мы жить стали лучше. А память у людей коротка.

Чистые и одетые, мы смогли наконец переступить порог школы. Наружный вид здания (если можно так назвать саманный барак с выбитыми кое-где стеклами) особого впечатления не произвел. Внутренним видом и начинкой мы даже были шокированы. Большой зал с неровным цементным полом и без потолка – только стропила и балки. Потом говорили, что эти балки были излюбленным местом ночных прогулок попавших на службу лунатиков.

Правда, их быстро списывали – боялись, что, нечаянно упав, могут задавить сразу несколько человек, спящих на верхнем ярусе нар. Все помещение от входа и до задней стенки было занято двумя рядами двухъярусных нар. На каждом ярусе в два ряда, головами друг к другу, спали курсанты. Над головой – узенькая доска. Это место для личных вещей. Поскольку больше места для личных вещей не было, то не было и личных вещей. Или наоборот. Все остальное пространство, не занятое нарами, называлось проходом. Один центральный и два боковых – вдоль стен. У двери – стол дневального. У входа в казарму две комнаты: слева – канцелярия школы, справа – каптерка старшины.

Распределили нас по взводам. Меня – во взвод топоразведки. Появились командиры отделений и помкомвзводов. Каждый получил свое место на нарах. Набили наволочки соломой, и служба началась.

Первые дни были заполнены работой по строительству землянок и уходом за лошадьми. До нашего прибытия была построена только казарма, а самой школы еще не было. Дивизия недавно перебазировалась из Барабинска и только начинала обживаться на новом месте. Необходимо было построить классы – по одному на взвод. Строили их только взводы управления: топоразведки, связи и радио. Считалось, что огневики могут проводить все занятия в полевых условиях, в артпарке под открытым небом. Копали землю. Для устройства крыш в 10–15 км от части рубили камыш. На лошадях в седле возили его в часть. Эту работу выполняли за счет самоподготовки, свободного времени бойца, мертвого часа и выходных дней. Расписание занятий и уборка конского состава выполнялись с точностью до минуты. Чтобы уложиться в расписание, мы никогда не ходили, а точнее – нас не водили шагом. С подъема и до отбоя и даже после отбоя мы передвигались только бегом. Как только наступила зима (с декабря по февраль), нас каждую ночь после отбоя – я не оговорился – стали поднимать еще и на проводку лошадей.

День был заполнен так, что курсанту некогда было сходить в уборную.

Во всем отработывался автоматизм. Подъем. Через 30 секунд все в строю на улице. Повзводно. Весь наш личный туалет, и то не ежедневно, состоял в утреннем умывании (плеснуть раз-два холодной водой в лицо) без чистки зубов. Брюки и гимнастерку ухитрились надеть еще в постели, под одеялом. Перед подъемом казарма уже шумела. Кое-где была слышна команда «Раздевайсь!». Это сержанты – командиры отделений и помкомвзводов ловили нарушителей. Потом, перед отбоем или после отбоя, засеченные нарушители – опоздавшие в строй и те, кто был одет не по форме, будут десятки раз одеваться и раздеваться, укладываясь в постель после каждого раздевания. Труднее всего было обуваться. Второй ярус прыгал на голову первому. Случались конфликты. Теснота была такая, что не нагнуться, чтобы обернуть ногу портянкой. Но и здесь находили выход. Портянками накрывалось каждое голенище сапога. Так она просыхала. А при подъеме нога влезала в голенище сразу вместе с портянкой. Надо было лишь подоткнуть концы, чтобы не было видно. Но сержанты и тут были начеку. В строю – не всех, конечно, а тех, кто был на заметке, – заставляли разуваться. И опять сыпались команды «Раздевайсь! Одевайсь!» или – «Два наряда внеочередь!».

Проблем с ночной уборкой казармы и с дневальными на конюшне не было. Очередь по графику постоянно отодвигалась за счет внеочередников. Получившему наряд не позавидуешь. Свой наряд по графику и, кроме того, внеочередной – через день. А наряд нести очень тяжело. Если уборка казармы – это значит, что все курсанты спят, а наказанный моет полы, а утром вместе со всеми идет в строй. А мы и так никогда не высыпались. Наряд на конюшню был суточный. Целые сутки надо было убирать навоз. В стойле у лошади его быть не должно. А лошади порядка не знают. Все время то в одном конце конюшни, то в другом слышно, как они оправляются. Как будто нарочно в разных концах, чтобы дневальный больше бегал. Кормление, водопой и чистка лошадей в обязанности дневального не входили.